

Роман Виктюк — один из немногих режиссеров, которого, кажется, не коснулись театральные-политические междоусобицы. В своем творчестве он столь непредсказуем и многогранен, что с ним стремятся работать такие разные актеры, как Михаил Ульянов и Эрик Курмангалиев. А Ирина Мирошниченко сравнивает его с Моцартом, брызжащим талантом и шутя создающим произведения необычайной красоты...

— Роман Григорьевич! Мы встречаемся с вами в Театре Вахтангова. Поэтому сразу хотелось бы услышать от вас несколько слов о предстоящей премьере.

— На сцене театра идут последние репетиции пьесы Нины Садури по роману Лескова «Соборяне». Я читаю это произведение как религиозно-нравственный эпос, что определяет структуру и задачи спектакля. Создатель этого театра все время говорил о фантастическом реализме. Мне кажется, что этот метод и сама вахтанговская школа наиболее точно отвечают той сердцевине романа, которую нам хотелось бы раскрыть. Соединение эпоса с фантастическим реализмом — это цель, которую мы ставим перед собой.

— С какими актерами вы добиваетесь достижения этой непростой цели?

— Я работаю с Ульяновым, Максаквой, Филиппенко, Карельских, Казанской... В общем, с ведущими актерами труппы. Для меня эта работа крайне ответственна. Хочется, чтобы было понятно, почему коммунисты столько лет эту книгу запрещали, а Крупская, став министром просвещения, изъяла роман одним из первых.

— Значит, это первое прочтение романа на театральной сцене?

— Категорически первое. Удивительно, насколько Лесков предвидел все революционные события, зарождение социализма и почему в России это было возможно! Идеалом для него был священнослужитель. И единственный выход спасения России он видел в Вере. Мне кажется, что и сегодня, когда мы находимся в таком кризисном состоянии, это единственный путь, который может нас вывести...

— Раз уж вы заговорили о сегодняшнем кризисном положении в России, мне хочется спросить, следили ли вы за работой VI съезда депутатов или же считаете участие в политике художника, творца делом ненужным и вредным?

— Ответ на долгие колебания и споры на съезде — как называть Россию? — дает наш спектакль. Он убеждает, что это единственное название, другого быть не может! Спектакль репетировался параллельно со съездом. И он, думаю, отвечает на некоторые из тех вопросов, которые там ставились, но не решались.

Я не отношусь к съезду и ко всему, что вокруг него происходило, как к политике. Это жизнь. А проходить мимо жизни я не имею права. Сторону политики определяют те люди, которые у власти. Мы не у власти; мы можем только эмоционально воспринимать то, что они делают, и своим творчеством отвечать, согласны ли мы с этим или нет.

— Вас никогда нельзя увидеть ни на каких политических митингах, съездах... Вы не состоите, насколько мне известно, ни в какой партии, ни в каком консультативном совете, что очень модно сейчас. Может быть, вы учредитель какой-либо общественной организации?

— Боже упаси!!!

— Это позиция?

— Конечно, позиция. Я хорошо знаю: того, кто отдает власти палец или руку, ловко устроенная государственная маши-

на втянет обязательно целиком, всего человека. Раньше, в годы застоя, многие говорили: «Я буду делать один спектакль для них, а два — для себя». Но получается, что время этих двух спектаклей никак не наступает. И оказывается: на протяжении многих лет мы ставили все три спектакля, но только не для себя. Мы обслуживали бюрократическую машину, потому что театр был придатком или министерства, или горкома. Театр не имел самостоятельной функции. Очень долго нам говорили, что «искусство принадлежит народу». В настоящее время, когда

линное искусство — свободно. Оно не должно обслуживать никакую идеологическую структуру.

— А как вы относитесь к принятому в Минске Соглашению о разделе культурных ценностей?

— Я уже говорил, что для меня главное — это Человек. Нет границ, а есть соборность. Поэтому роман Лескова называется «Соборяне». Сейчас вся Европа объединяется, мы — разъединяемся. Мы все делаем вопреки. Мы, по-моему, возвращаемся к еще большему закреплению, нежели было раньше.

ТЕАТРАЛЬНАЯ СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОМ ИНТЕРЬЕРЕ

Моск. Комсомолец - 1992 - 16 марта

Роман ВИКТЮК: «Мы сами ничего не создаем. Мы вестники»

распались связи народов, оказалось, что искусство не нужно ни государству, ни народу. Многие сейчас выжидают, молчат, оценивают ситуацию. Мне кажется, эта позиция — неверная. Жизнь выше всех политических структур, а в искусстве главное — это Человек. И, независимо от того флага, который над нами реет, искусство существует! Оно существует для тех, кому оно нужно, так как по своей сути искусство элитарно. Искусство существует для тех, кто в нем нуждается, для того, чтобы человек был человеком...

Наш век — плебейский. Во главе стали деньги. Но не Человек. Когда цивилизация становится целью, а не средством, она поглощает человека. И пока мы это не поймем, искусству места в обществе не будет. Такому обществу нужны только развлечения. Например, наша эстрада. Это то, что называется бесовским искусством. Это то, что подавляет человека, его свободу, дух. Это — закрепощает. А под-

— Тем не менее в таких условиях вы создаете свой театр — Театр Романа Виктюка. В этом названии подчеркнуто ваше личностное главенство как художника, режиссера, драматурга? Или же есть другая трактовка названия?

— Никакой другой нет. Это частный театр. Он не имеет отношения ни к одной государственной структуре. Благодаря спонсорам попытался собрать тех людей, которые исповедуют ту же веру, что и я. Мы любим друг друга. Это — принцип. Насколько мы выдержим и насколько нас не поглотит политическая и государственная машина — неизвестно.

— Значит, главная объединяющая сила — любовь?

— Только Любовь и Добро! Не профессия. Профессии мы учимся. Для меня главное не продукт, а процесс. Мне важен рост Человека.

— У всех есть театральное образование?

— Конечно. Актер — это профессия. Я думаю: это особое племия, которое категорически отличается от остальных. Это избранная часть земного шара. И редки люди, которые могут соединить в себе человеческое и профессиональное начало.

— Скажите, если бы случилась такая метаморфоза, что вас назначили министром культуры, какие шаги вы бы предприняли в первую очередь?

— Самое смешное, что в Италии, где я ставил недавно несколько спектаклей, меня упорно во всех газетах рекламировали как блестящую кандидатуру для министра

культуры (тогда еще Губенко занимал этот пост). У меня было много встреч с политическими и театральными деятелями, и многие меня убеждали, что я должен стать министром культуры. Я объяснял, что, если я им стану, я перестану ставить спектакли. Это совершенно разные функции: функция Власти и функция Творца. Никогда в жизни Творец не может сойтись с Властелином.

— И все-таки, как вы считаете: нужны сегодня рычаги управления культурой? Нужно министерство в том виде, в котором оно существует?

— Но существуют же театры, они же продолжают рождаться, жить, работать?

— Да...

— Так, значит, нужно министерство?.. Нет!

— Как строились ваши отношения с министерством раньше? Вас вызывали когда-нибудь «на ковер»?

— Я никогда с ними не общался; мне никогда это не было интересно. Я только знал, что министерство — это тот орган, который запрещает. Это — цензура. Методы работы министерства всегда напоминали не творческую организацию, а организацию службы безопасности.

— Скажите, Роман Григорьевич, вы считаете два своих последних спектакля — «М. Баттерфляй» и «Служанки» — наиболее удачными среди прочих работ? Вы относитесь к ним как-то по-особому?

— Каждый спектакль — это ребенок, который рождается в семье. И даже если ребенок менее удачливый, или характер у него плохой, или наследственность, все равно это — родные дети. А каждый последний ребенок — он самый любимый. Поскольку «Служанки» — это последний ребенок, а «Соборяне» — «на сносях», и то и другое очень дорого. Кроме того, сейчас мы в своем театре репетируем «Лолиту» Набокова и «Саломею» Оскара Уайльда. Роль иудейской царевны сыграет Сергей Виноградов. В пьесе Гибсона «Двое на качелях» главную роль сыграет знаменитая балерина Наталья Макарова.

— Считаете ли вы, что, создав свой театр, вы создали ту идеальную театральную модель, к которой стремились?

— Мы сделали только первый шаг...

— Я думаю, вас не могут не волновать проблемы нашей театральной школы. И вы как практик, как режиссер-педагог могли бы многое сделать. Я слышала, что с вами ведут переговоры руководство Российской академии театрального искусства? — Это пока только переговоры, так как моя программа, по-видимому, резко отличается от той структуры, по которой обу-

чают в театральном институте. Кроме того, я хочу, чтобы это была частная школа. Студенты должны оплачивать свою учебу. Не должно быть такого количества занятости в стенах института. Студенты должны быть частью нашей семьи, нашей театральной труппы. Это дети, которых отдали нам на воспитание. А той семье, в которую отдаешь ребенка на воспитание, надо доверять.

— То есть у вас есть своя педагогическая программа?..

— Безусловно. Я преподавал в Киеве, в Калинин, в Москве, в эстрадном училище... Да я и сейчас продолжаю учить у себя в театре, только это труднее — приходится переучивать ребят после тех театральных школ, которые они закончили.

— Но это, наверное, связано с тем, что вы стремитесь к синтетическому театру, в котором важнейшее место занимает, например, пластическая подготовленность артиста?..

— Человек, артист должен быть внутренне раскрепощен и свободен. Наши догматы, в том числе театральные, закрепощают. Вера и Свобода — вот что главное!

— Роман Григорьевич! Сегодня у вас есть возможность творить свободно. А если бы так случилось, что этой возможности так и не представилось? Эмиграция стала бы для вас единственной возможностью?

— А я и жил в эмиграции. Структура, которую ты не принимаешь, есть эмиграция, твое одиночество в обществе. Нами много лет руководили малообразованные плебеи. Они крали у нас жизни и делали это сознательно. Если говорить о театре, то это сейчас огромная проблема. Целое поколение актеров — жертвы. И никто перед ними не извинился — их просто выбросили в мусор. Прежняя структура выжала из многих людей все что могла, и они уже не могут набрать новые соки...

— Но, с другой стороны, у многих из них были звания, льготы, они были секретарями парторганизаций, в их руках были рычаги власти...

— Да, да. Это страшнее, чем «потерянное поколение» Запада после второй мировой войны. Это слепые жертвы. И это их лица мы видим на митингах с портретами «вождей». Они не хотят прозреть.

Если же говорить об эмиграции как о заграниче, то, на мой взгляд, у них больший кризис духа, чем у нас. Просто они этого не осознают. У них основная мимика — это «смайл» (улыбка)...

— В недавней телевизионной беседе с вами Марк Захаров сказал, что консерватизм есть та благодатная почва, на которой рождается новое. Ваше творчество воспринимается нами, зрителями, как новаторское. А в жизни кем вы сами себя ощущаете больше — новатором или консерватором?

— Если нравственно-религиозные позиции (существующие столько, сколько мир), такие, как Бог, Родина, мама, добро, — консерватизм, то я консерватор.

Что касается творчества, то я глубоко убежден, что все идеи, мысли разлиты в воздухе. Мы сами ничего не создаем. Мы — вестники. Надо только уметь слушать. Воспринимать. И — пропускать через себя. Лишь чистые души, чистые организмы способны на это.

Беседовала Ирина ГОРЮНОВА.

Р. С. Международный культурный коммерческий центр РИА «Новости» приступил к съемкам телесериала «Роман Виктюк и его театр». Основу телесериала составляют публицистический фильм о режиссере Романе Виктюке, а также телевизионный его последний спектакль, таких как «М. Баттерфляй», «Лолита», «Служанки».